

032

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ,
РАССКАЗЫ

Ф. ПАНФЕРОВ
Я. ШВЕДОВ
И. СМИРНОВА.

ПОЭМЫ, СТИХИ

Б. СКОРБИН
И. ЗИБОРОВ
М. ГЕРАСИМОВ
В. ЛОЗИН

ПЕРЕЖИТОЕ

ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

Б. ЛАПИН

ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТОНЫ

Н. ЯРОВ
Е. ЕРМИЛОВ
М. ВЕСЕНЬЕВ

К Р И Т И К А

Г. ТАТУЛОВ
Н. БЕРКОВСКИЙ
Б. ШАТИЛОВ

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИВЕРЖЕНО 1938 г.

К Н И Г А

Д В Е Н А Д Ц А Т А Я

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1 9 2 9

ОКТАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МОСКОВСКОЙ
АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТПИСАТЕЛЕЙ

85
049

1929 г.
16064

ПРОВЕРЕНО
1929

Центральная
Библиотека
Ленинградского
Университета

К Н И Г А
Д В Е Н А Д Ц А Т А Я
Д Е К А Б Р Ъ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1929

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ПРИВЕТСТВИЕ т. СТАЛИНУ	3
Ф. ПАНФЕРОВ. — Бруски. <i>Роман</i> (конец II части)	4
Я. ШВЕДОВ. — Гвозди. <i>Рассказ</i>	32
Б. СКОРБИН. — Торф. <i>Стих.</i>	68
И. ЗИБОРОВ. — Толчок. <i>Стих.</i>	69
НИНА СМИРНОВА. — Смерть часов. <i>Повесть</i>	71
М. ГЕРАСИМОВ. — Вечер. <i>Стих.</i>	104
В. ЛОЗИН. — Дорога на Борисоглебск. <i>Стих.</i>	106
ПЕРЕЖИТОЕ	
ТЕОДОР ПЛИВЬЕ. — Кули кайзера. <i>Пер. с немецкого</i>	107
ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ	
Б. ЛАПИН. — Письмо о честности.	127
ЖИЗНЬ НА ХОДУ	
Н. ЯРОВ. — Бригада. <i>Очерк</i>	134
ЕВГ. В. МИЛОВ. — Из блокнота фининспектора.	142
М. ВЕСЕЛЬЕВ. — На землю Франца-Иосифа	150
КРИТИКА	
Г. ТАТУЛОВ. — Новый апостол правой «культур-теории»	162
Н. БЕРКОВСКИЙ. — Заметки о драматургах.	171
В. ШАТИЛОВ. — «Еж»	184
БИБЛИОГРАФИЯ	
С. ГОРОДЕЦКИЙ. — «Алый смерч», А. Топунов. — «На пороге дней», Н. Никандров. — «Белый кол- дук», Н. Н. Фатов. — «Научная схема русской литературы»	190—195
Книги, поступившие на отзыв	195
Содержание №№ 1—12 «Октябрь» за 1929 г.	196

* * *

Зерцало ПИСАТЕЛЯ

ПИСЬМО О ЧЕСТНОСТИ

БОРИС ЛАПИН

ОПЫТ САМОРАЗОБЛАЧЕНИЯ

ДА вы — самоубийца! — закричал приятель, когда я ему рассказал содержание своего письма: — Зачем вам раскрывать себя перед читателем? Вы недалекий человек! И во-вторых, вы все равно никогда такого письма не напишете!»

В опровержение его слов, в тот же вечер, я написал эту статью.

★

Автор может говорить о приемах своей работы с разными целями. В одном случае признанный писатель делится с читателями своим опытом мастера, рассказывая о биографических истоках творчества. В другом — автор выступает как исследователь и навязывает аудитории свои взгляды на писательское ремесло. По отношению к себе, как известно, объективным никому не дано быть.

В этих заметках у меня была другая цель. Я хотел бы помочь себе и другим — но, главным образом, именно, себе — выяснить один очень важный вопрос.

Прежде всего, что такое я?

Мне двадцать четыре года, я астеник, брюнет, ношу роговые очки, недавно женился... Все это занимает только меня. Но вот я написал две книги на некоторые знакомые мне темы, и здесь я прихожу в соприкосновение с читателем.

«Повесть о стране Памир. От верховьев Пянджа к верховьям Инда» и «Тихоокеанский дневник».

Обе книги рассказывают о путешествиях, совершенных мной с 1925 до 1928 года.

Вторая книга вышла совсем недавно. Первая появилась в продаже полгода назад. На нее было довольно много рецензий. В них отмечался ряд недостатков, имеющих место в повести.

Все рецензенты, однако, отмечали то, что книга рассказывает о действительно имевших место фактах, описывает малоизвестную страну и написана с «подкупающей» правдивостью. «Все описанное в этой книге — правда», — начинаются четыре рецензии на «Повесть о стране Памир». Приятный для автора отзыв. Но также и пробуждающий в нем раздумье, если автор честно относится к своим читателям. Все ли написанное в книге правда? Не ввел ли сознательно или бессознательно автор в заблуждение критиков и аудиторию?

В предлагаемой статье я хочу рассказать, что в конце концов — ложь, а что — правда в моих книгах; как вышло, что неоднократно рассказ о фактах приводил меня к вымыслу, что я видел в действительности и о чем иногда я должен был бы написать и не написал.

Прямым поводом для моих рассуждений о честности послужил один маловажный, но небезынтересный случай.

Я довольно часто получаю письма из разных углов СССР. Они относятся к кочевым годам моей жизни. Эти годы не кончились еще, но наступил в них какой-то перерыв, передышка. Вот уже полгода, как я живу в Москве, толкаясь по редакциям разных журналов.

Мои друзья живут в разных местностях — от Полярного круга до Афганских гор. Многие из них меня не забывают, хотя мы не поддерживаем связи. Да, по правде сказать, многие мои прежние друзья, продолжайся они теперь, были бы для меня обременительны.

Сейчас, например, не исключена была бы возможность, что мой приятель эскимос Кайах с метисками Каммэт и Таайтсхема и поддестком уэллерских чукчей ввалятся завтра горластой и татуированной толпой ко мне в дом, прокоптив темную московскую комнатку соленым запахом рыбы и морского простора. Что бы я стал с ними делать?

И между тем я звал их к себе, покидая чукотский берег. В тот день по туманному и бурному проливу ползали зеленые льдины. Я зашел в задымленный дом Дежневской фактории, стены которой были увешаны грязными шкурами песцов. Чукчи толпились у дверей, переступая стоптанными торбазами, похожими на лапы морского льва. Каммыиргин и Ау-ау хлопали меня по плечам, говоря по-чукотски:

— Оставайся еще на один год, чего тебе ехать в вашу землю, разве у вас охота лучше, чем у нас?

Я взял в руки вещевой мешок...

— Всякий из вашего народа, — сказал я, трудно ломая чукотский язык, — все равно мужчина, все равно женщина, приезжай ко мне в Москву, на русскую землю, будет мой гость. Все равно, если будет из дальних мест, если незнакомый; пусть только скажет: я — чукча или — я эскимос, и будет мой гость!

И сколько еще раз в те годы, когда профессия моя еще не определилась, и я, деклассированный молодой человек из большого города, искал профессии по чужим городам, — сколько раз тогда заключал я дружбы с временными спутниками и условливался о встрече...

В середине октября я получил письмо от Кыммыиргина. На конверте был написан мой адрес, корявыми и несуразными буквами. На штемпеле стояло: «Уэллер, Камчатский округ, 29, 7, 29». Письмо шло до Москвы семь недель — неслыханно короткий срок.

Я встречал многих чукчей и эскимосов, бывавших на Аляске и хорошо знающих английский язык. Но только один человек в Советской Чукотии бегло говорит, читает и пишет по-русски. Этот человек — Кыммыиргин. Он учился в педтехникуме Хабаровска.

Здравствуй, Лапин Борис Матвеевич. Я живу на Уэллер. Жду тебе, что ты письма послите мне или телеграмм. Энну олений чукча опять поехал учиться на материк и Хиуу, который с тобой ехал на культбаза. Я один остался на Чукотка Уэллер. Я тоже хотел ехать — мне нет пускает тесть. А у нас в мае готово патроны и сахар. Нет охота. Песец ушел — мука нет. Зимой были голодовка. Весной были много пурга, ветер.

Каммыиргин

Получив это письмо, я собрался немедленно на него ответить, но, как водится, так ничего и не ответил. Несколько времени назад, однако, я получил письмо другого характера из противоположного угла нашей страны. Оно заставило меня задуматься и оно и послужило, как я говорил, поводом для настоящей статьи.

Дорогой Борис, не смотри на подпись этого письма — должно быть она тебе ничего не скажет, ты в своей столичной жизни имеешь, наверно, столько знакомых, что таких, как мы, тебе не запомнить. Сужу по тому, что как-то, года два назад, я вздумал было написать тебе письмо из Курган-Тюбе, но никакого ответа на него не получил, сколько не ждал. На этот раз пишу тебе снова по другому поводу. Борис, служу я теперь в Гарме, и место у меня довольно хорошее — инструктора сельхозбанка, жалование 140 рублей в месяц, так что теперь не бывает, что день ешь, а два спишь голодный, как бывало прежде. Прочел я, Борис, твою книгу, где ты пишешь о жизни своей в нашем горном Таджикистане. Прочел, и сначала порадовался, что наш парень, с которым вместе мы ходили пешком через перевалы и снег и видели изуверское басмачество — стал теперь писать из нашей жизни. Книгу твою мне передал Василий Иванович Гортовик, а ему дал ее новый прокурор, сказав, что — вот, товарищ, о вас пишут писатели в центральных издательствах. Но, прочтя книгу, мы увидели в ней много неправильного и это меня удивило, потому что ты, как будто, пишешь о себе и о своей работе, которую мы хорошо знаем, а часто я вижу, что факты ты изменил. Вот тебе мелкий случай, Борис. Ты пишешь, что привез Гортовнику почту. Но в действительности эту почту дал тебе именно Гортовик, и ты ее отвез на Памир. Ты даже был первым почтальоном, который ездил по этому маршруту. Даже такой пустяк ты не записал правильно, и вот, в результате видишь знакомое имя в книге, и смотришь — за ним скрываются совсем другие лица. Может быть и видно у тебя, каков есть Памир, но не видно, что за люди мы, здешние работники, и обидно до слез, что ты не поднял своего голоса как наш бывший товарищ, чтобы показать нашу борьбу, часто с опасностью для жизни и о которой никто в центре не подозревает.

В кратких словах, о чем сказать, ты пишешь свою повестью? Прости меня, что может быть я не совсем складно выражаю свою мысль. Я не писатель, но я выражаю мысль всех наших товарищей, которые работали в Горном Таджикистане в одни годы с тобой. Я им показывал твою книгу. Сказав несколько слов о том, что то являлся работником по переписи, ты переходил к описанию своих путешествий, не касаясь тех людей, кто был на такой же работе, как ты. Рассказываешь ты о каком-то путешествии в Индию, а не рассказываешь о том, как Васильев открыл племя в верхнем Орошаре, во время подготовительной к земреформе работы. А он шел пятьдесят два километра по пояс в ледяной воде, карабкался по камням на высоте двадцати сажен, ободрал руки и ноги до кровавого мяса. Встретили, его мы с тобой во время ночевки в Ванче, в амлякдарской старой крепости и вместе интересовались выделкой железа у зобатых людей. На следующий день мы отправились через перевал и заночевали в снегу, прикрывшись чекменями и грелись вместе, что надышим, не разводя костра. Ты сам испытал, что значит быть забытым в глухом углу, где одни камни, волки и дикость, в то время, как страна занята строительством.

Писать о нас надо одну только правду, ничего не изменяя. Вот дорогой Борис, наше не скрытое мнение, о котором просим не обижаться. На днях я встретил Савченко возле Тавиль-Дарры. Он назначен на Памир и вез поклажу на двух конях с проводником. В нем я также наблюдаю черты рвачества, как и раньше. С товарищеским приветом, целуем тебя и обнимаем.

Петр Рогачев с женой.

О том, что я женился ты и не знал? Да, брат, взял себе жинку из Дюшамбе. Она тебе кланится и шлет привет.

Прочти письмо, я снова пересмотрел книгу, написанную мной в Памире. Несомненно, мой приятель прав. Я написал в ней не совсем о том, что видел. Как это случилось?

Чем объяснить то, что литературное оформление не всегда совпадает с действительными переживаниями автора?

В 1927 году я двигался в отряде переписчиков ЦСУ, выступившем из Гарма через хребет Петра I. Мои спутники были странные люди. Безработный ингуш Дацаев, длинноволосый и веснучатый нытик Гришкин — полунинтеллигент, ушедший бродяжничать из пятого класса гимназии и гордо называвший себя «анархистом жизни», солнечно-рыжий

Васька Петухов—шпана и бывший вор, Тельнер—обрусевший немец, по специальности агроном, Смышляев—девятнадцатилетний оболтус, ученик Воронежской балетной школы, с женственными манерами и тонким голосом, наконец, мой друг Рогачев—керкинский комсомолец, прямодушный делегата, сын железнодорожника...

После, когда партия регистраторов была распределена по разным местностям вилайета, мы с Рогачевым, как единственные знающие местный язык, взяли себе самые дикие и отдаленные районы: Водхунд, Ванч, Язгулом, Западный Памир. Мы вместе проходили по головоломным тропам, отпуская иногда лошадей и десятками километров перенося на себе материалы переписи—там, где лошадь не могла пройти.

Я мечтал тогда написать книгу, «Книгу» с большой буквы, обо всем, что настигало нас в сумасшедшем странствовании по неизвестным горам. В ней должны были открываться нищие, вбитые в камень поселки, высокие пашни на косогорах. На иллюстрациях к ней, отпечатанных на твердой матовой бумаге, чернели бы вороньи гнезда одиноких летовок. Облака стелились бы у подножья кривых скатов, где буйволы тянут деревянные сохи, карабкаясь по захватывающей дух крутизне. Я ясно видел их линии, похожие на линии гравюры. В темных ущельях двигались жалкие крестьяне, ограбленные войнами и богом; происходили вечные споры жителей теневой стороны ущелий с богачами «подсолнечных взгорий»; горцы с ледников переселялись в жалкие равнины, батраки передавали друг другу неясные слухи о переделе пашен и пастбищ, первый батрацкий комитет собирался в ущельи Хингоу...

Ежедневно, останавливаясь на стоянку в домах фанатических стариков, тощие и восторженные дети которых тайком приносили нам испеченные в золе лепешки и кислое молоко, я записывал в свою путевую тетрадь впечатления и мысли для будущей неизвестной книги. Сейчас они передо мной—четыре клеенчатых тетради с обтрепанным и захватанным верхом. Чорт его знает, как случилось, что они не затерялись в постоянных перекочевках и переселениях с места на место! Я просматриваю их, и выясняется странная вещь.

Я почти никогда не писал о том, что видел. Это казалось мне не нуждающимся в записи. Разве я мог забыть жизнь в этой стране! Запись шла по боковым и сторонним линиям. Каждый случай нашей тревожной жизни служил мне для того, чтобы на нем построить какое-то здание вымысла, углубляющего и заостряющего формы, в которые отлились мои наблюдения. Дневниковая часть суха и скомкана за счет выдумки.

Вот наудачу описание одной из страниц моей путевой тетради. Курсивом взяты места, которыми начинается вымысел.

Страница помечена цифрой 17. В этот день я приехал в Язгулом. Краткая запись о встрече с представителем совета, бывшим полковником бухарских войск. Ночь в разузоренной синим и зеленым гостевой комнате селения. Несколько адресов: кишлак Бони, Доди-Худо сын Абдульгюса, Шо-Зода Айрон, запись об Ишкашимской крепости Кахка, сослаться на Мунаввар-Шо. Запись слов ишана Сеид-Нуредина: «каждая эпоха имеет своего имама, нынешнего зовут Ага-хан. Он живет в Индии».

После этого рассказывается о встрече, имевшей место в селении Жорф, где молодой пастух пришел к нам со странной просьбой: «Командир,—говорил он—сестра моя Акеля-Мо хочет уйти от мужа и учиться в ваших городах. Помоги ей». После разговора с ним к нашему лагерю, озираясь, прибежала сестра пастуха:—«Командир, здесь

все басмачи, меня убьют. Говорят, я распутная, таких по шарияту забивают камнями». Мы уклончиво отвечали, зная о постановлении ревкома Гарма в 1926 г. — не обострять вопроса о раскрепощении женщин в пограничном районе, из-за агитации мулл.

Дальше записная книжка говорит о том, что мы соглашаемся помочь женщине. Наверху на тропе нас догоняет Акеля-Мо. Я уступаю ей коня и сам шагаю рядом. Она едет, сорбившись, и прикрывает лицо платком. Мы едем на Памир, в штаб намирского отряда, находящийся в Хорго. На берегу реки Ванч мы останавливаемся. Река разлилась, потому что в ее истоках появились снеговые воды. На обход реки до моста уходит три дня. Когда мы снова добираемся до устья, то с другой стороны мы видим несколько человек, переправляющихся через реку на бурдюках. Когда они выбираются на землю, я узнаю дарвазского милиционера Азизулла, в руках у него отношение из Вилайета: «отпустить женщину, в виду подлостью ищанами агитации против советских работников, якобы похищающих мусульманок».

Перелистываю еще несколько страниц. Я живу в Хорго и Поршневе в доме Сеида Юсуф-Али-шо. О Хорго нет почти ни одной записи. В доме Сеида собираются главы секты исмаилитов, каждый год отправляющиеся в Бомбей к своему вождю Ага-хану. Я записываю их рассказы об Индии и о приемах, устраиваемых «живым богом» в его загородной даче. Я выписываю текст их паспортов, полученных от британского правительства.

Дальше на семи страницах мелкого письма следует запись о моем путешествии в Лянгар, о дружбе с сыном Сеида, о переодевании таджиком, об отправлении с караваном верующих через границу, о горной Индии, о дворе центрального Мизтара, о моем задержании и бегстве на дороге в Гильмит, о поездке Пешаве Бомбей, иде в отделениях для туземцев, убранных полосатым тиком, сидят жирные туземные чиньовники в полотняных жилетах и прямоволосые смуглые женщины с серпами в носу, устроившие в вагоне подобие парда (знаменски зарема).

Всего этого не было. Я собрал подробности о путешествиях в Бомбей от исмаилитских старшин. В дневнике я написал о несущем.

Из своего опыта я мог бы привести еще несколько примеров. Бродя по улицам Хакодате, небольшого и в достаточной мере провинциального города Северной Японии, сидя в столовых, украшенных цветными транспарантами, и слушая шум японской толпы, я писал о портовом гиганте Иокогама, где не был никогда; о иокогамском «Блеффе», разрушенном землетрясением; об огромных океанских пароходах с серебранным долларом на красной трубе; об электрическом поезде, в сорок пять минут доставляющем жителей Токио в Иокогаму; о мрачных индустриальных громадах Осака...

В первое время я не решался сознаться себе в этом странном мюнхгаузенстве. Оно казалось мне удивительным и позорным. Впоследствии я задумался над тем, нельзя ли этот органический порок — стремление через известное приходиться к неизвестному — обратить в белый уголь своей работы, в основной ее двигатель.

Прежде всего была опасность, что привнесение вымысла в текущую запись приведет к верхоглядству, к писанию о незнакомых вещах с авторитетной и знающей ужимкой. Конечно, когда я, живя в Хорго, писал об Индии, вместо того чтобы описывать окружающее я делал вещь преступную для очеркиста. Факты должны не деформиро-

ваться, перерождаясь на службе каким-то бродячим сюжетам и мелким литературным жанрикам, а перестраиваться в наиболее целесообразном порядке. Потому что тот род литературы, который вытекает из подобных записей, — это литература служебная, познавательная, и об этом нельзя было забывать. Но факты должны подаваться в наиболее действенном и доходимом виде.

По ходу работы над книгой «Тихоокеанский дневник» у меня явилась, например, необходимость в беглом видении показать японских рабочих и угнетенных туземцев-айнов на Курильских островах — в одной из отдаленных японских колоний.

Здесь мало было описок острова и вложить в описание все, что я увидел и что узнал о них. Нужно было еще показать отношения японцев с подавленными и запуганными айнами и рядом того же японца-колонизатора и японца — сезонного рабочего, для которого во время хода рыбы является правилом девятнадцатичасовой рабочий день.

Я мог бы все это изложить статейно, но тогда написанное мной прочли бы только люди, специально интересующиеся данным вопросом. Чтобы сделать свой материал художественно приемлемым, я должен был его показать не статичным, а двигающимся. Для этого я дал запись перекрестного разговора с рабочими, с туземцем-айном и с японским офицером. Этим цель моя достигнута — более или менее удачно, в зависимости от авторских возможностей. Сам описанный разговор мог произойти и мог не произойти, но, если его не было, я обязан был его выдумать.

По этому же принципу построена и вся книга «Тихоокеанский дневник». Первая часть этой книги, описывающая людей и вещи Берингова пролива, представляет собой почти чистую «фактограмму», как принято говорить. Элемент вымысла входит в нее с того момента, когда надо было показать в непосредственном столкновении американскую капиталистическую культуру и полудиких туземцев Северной Азии, и исчезает там, где нужно снова показать вещи, страну, обстановку (глава о Хокодятэ и т. д.). Сведение ряда расспросных данных дало мне возможность построить Номские встречи.

Если когда-нибудь эту книжку прочтет один из четырех-пяти «белых людей», встречавшихся со мной на Чукотке, он несомненно будет удивлен: с одной стороны как будто перед ним живая запись, на столько даже, что имена действующих лиц часто сохранены, с другой — знакомые ему лица попадают в положение, заведомо случившееся не с ними и не теперь. (Пример: участие Кнудсена, под именем которого выведен неизвестный торговец мистер С., в истории с Кобилевым).

В дни, когда я, переписчик ЦСУ, вносил заметки в путевые тетради, я шел не всегда по правильному пути. Так я мог притти к обыкновенному авантюрному повествованию. Следы этого заметны в «Повести о стране Памир». Но в основном, я считаю, установка моей работы была верна. Книга, говорящая о фактах, не упорядочивая их, не подчиняя заданиям своей большой темы в девяти случаях из десяти, будет плоха. Когда я развивал в черновиках заметку о встрече с женщиной Дарваза и заготовлял будущий сюжет очерка, показывающего, к чему могла привести попытка бежать в условиях того дня, мне кажется, я поступал правильно. И поэтому Рогачев или иной спутник автора, проделавший с ним его пути в действительности, никогда не узнает себя в своем книжном отражении.

Для беллетриста допустимость такого метода работы всегда считалась бесспорной. Сейчас вопрос об этом приходится снова пересматривать. Утверждается новый для нас род литературы — очерк как «большой жанр», литература, имеющая познавательную ценность. Обязанность ее на каждый день показать то, что является наиболее актуальным для сегодняшних задач. Очерк должен овладеть всем богатым арсеналом имеющихся у беллетристики способов воздействия. Одним из них, несомненно, является творческая выдумка. Вопрос об этом должен быть поставлен перед собой всеми, кто говорит о фактической и познавательной стороне очерка.

В заключение, для того чтобы разоблачить себя окончательно и показать кухню своей работы, я должен был бы прибавить, что письмо от Рогачева выдуманно мной¹⁾, хотя все, о чем в нем говорится, соответствует действительности. Это письмо понадобилось мне для того, чтобы заострить тему и не ставить себя в глупое положение человека, нападающего на самого себя.

★ ★

1) От Кымыргина я действительно получил письмо 16, X—29 г.

Московский Рабочий / Госиздат РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1930 г. НА ЖУРНАЛ

ОКТАБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Всероссийской и Московской Ассоциации Пролетписателей (РАПП и МАПП)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Исбах, А. Караваева, Г. Корабельников,
Ф. Панферов, М. Светлов, А. Серафимович
(отв. редактор), А. Фадеев и М. Шолохов.

ОКТАБРЬ группирует вокруг себя пролетарских писателей, растущий литературный молодежь и близких революции писателей советской интеллигенции.

ОКТАБРЬ печатает лучшие произведения пролетарской литературы, освещает важнейшие явления политической и культурной жизни страны, сосредоточивая свою работу на создании школы пролетарской литературы.

В 1930 г. В ЖУРНАЛЕ „ОКТАБРЬ“ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ
РОМАНЫ и ПОВЕСТИ:

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ.—Ермак,
роман.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ.—Рождение
героя, роман.

Ю. ОЛЕША.—Нищий, повесть.

Л. КОПЫЛОВА.—Первое сти-
хотворение, повесть.

А. КАРАВАЕВА.—Моллюск,
повесть.

Н. БОГДАНОВ.—Тихие братья,
роман.

Я. ШВЕДОВ.—Гвозди, повесть.

А. ФАДЕЕВ.—Последний из
Удэге, роман, часть III и IV.
Ф. ПАНФЕРОВ.—Бруски, роман,
том II.

М. ШОЛОХОВ.—Тихий Дон,
роман, том III.

МАРК КОЛОСОВ.—«Мадам Бо-
вар», повесть.

Н. КОЧИН.—Новая повесть.

Н. ЧЕРТОВА.—Хмель, повесть.

Л. ОВАЛОВ.—Ловцы сомне-
ний, роман.

РАССКАЗЫ, СТИХИ, СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ФЕЛЬЕТНЫ В ОТДЕЛАХ:
ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ ■ ПЕРЕЖИТОЕ ■ ЖИЗНЬ НА ХОДУ ■
СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО ■ КРИТИКА ■ БИБЛИОГРАФИЯ

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 12 р., на 6 мес. — 6 р.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 1 р. 25 к.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Московскому отделению Госиздата
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“, Неглинный пр., 9, а также всем отделениям, магазинам
и уполномоченным Госиздата РСФСР, во все почтовые конторы и к письмоносцам.